

«Патология» русского бытия, или русская глупость. Маленькое эссе о глупости (2).

*«Что русскому – здорово,
то немцу – смерть».*

В статье проводится анализ онтологической глупости как фундаментальной характеристики русского бытия. На основе экзистенциальной Dasein-аналитики выявляются основные структуры русского здесь-бытия: «авось» - бытие, событие и русская беззаботность. Делается вывод о том, что русское бытие оказывается бытием по ту сторону западной оппозиции существования и не-существования, мышления и безумия, страха и бесстрашия, смерти и бессмертия, добра и зла. На основе этого анализируются русские эквиваленты экзистенциалов здесь-бытия, которые лежат в основе русской глупости. Указывается, что «патология» русского бытия заключается в его онтологической амбивалентности и в непонимании западным мышлением такой его онтологической структуры.

Ключевые слова: ум, разум, глупость, бытие, здесь-бытие, «авось», событие, беззаботность, расположенность, брошенность/найденность, решимость, совесть, смерть, понимание.

The article deals with an analysis of ontological stupidity as fundamental feature of Russian being. Based on existential Dasein – analytics the basic structures of Russian here-being are revealed: “avos” being, occurrence and Russian carelessness. It is concluded that Russian being turns out to be a one beyond western opposition of existence and non-existence, thinking and madness, fear and bravery, death and immortality, good and evil. Russian equivalents of existentials of here-being which are a cornerstone of Russian stupidity are analyzed. It is pointed out that “pathology” of Russian being is in its ambivalence and failure to understand such ontological structure by Western thinking.

Keywords: mind, stupidity, being, here-being, «авось», occurrence, carelessness, exposure, being abandoned / found, commitment, conscience, death, understanding

В музее Прадо в Мадриде есть картина Иеронима Босха «Операция глупости», на которой изображена процедура извлечения из мозга человека камня безумия, или соцветия глупости. Это типичное шарлатанство старой Европы, подчеркнутое к тому же всеми атрибутами насмешки над глупцами с той и другой стороны – мнимыми целителями и «больными». Все символы картины, вроде воронки мудрости, надетой на голову хирургу, кувшинов на поясе у врача и в руках у монаха, символизирующих прорву слабоумия, сумки пациента, пронзенной кинжалом, показывающей «дырчатость» ума, книги на голове, якобы дарующей мудрость, указывают на дурость самой ситуации удаления органа глупости. Нельзя не признать некоторую логическую последовательность такого взгляда: если есть орган ума, то должен быть и орган глупости – нечто, вроде антипода декартовской шишковидной железы.

И, однако, это неверное представление; глупость не есть противоположность разума. Как мы пытались показать в первой статье [6], *онтически* глупость есть проявление и выражение ума. Глупость - суть его *недостаток*, – и в предметном, и в атрибутивном - смыслах. Она есть *нехватка* ума, *лишенность* разума¹. Это касается всех ее видов – инструментальной, социальной и нравственной глупости.

¹ В этом смысле глупость имеет очевидные смысловые параллели с понятиями «зло» и «не-бытие» в христианской и античной философии. В самом деле, в христианской традиции зло несубстанциально и не онтологично; оно есть нехватка и неполнота бытия (присутствия) в наличной ситуации. Как глупость есть выражение нехватки разума, так и зло есть выражение нехватки блага (бытия). Это и есть мера несовершенства конечного сущего, т.е. его изначальной тварности и греховности; отсутствия собственного основания для присутствия. И, однако, само это отсутствие, эта неполнота бытия конечной твари есть только выражение фундаментальной полноты присутствия в мире в целом. Недостаток в одном локусе тварного мира выражает преизбыточную полноту в другом его локусе. Даже бунт твари против Творца есть не просто выражение ее конечного несовершенства, но и выражение меры присутствующего ей бытия, данного от творца. Иначе говоря, нехватка бытия и есть выражение присутствующего такому

Но разум не есть вещь-в-себе, он существует только в его реализации, в его развертывании в делах и поступках человека. А потому глупость и есть мера *явления* разума, мера его практического осуществления. Она, поэтому, есть не субъективная, а *объективная* характеристика наличного здесь-бытия, наличной ситуации, мера разумности самого присутствия. Тем не менее, встает вопрос: в каком смысле и на каком основании мы можем говорить о глупости как объективной характеристике наличного здесь-бытия?

Речь теперь пойдет об анализе *онтологической* глупости как фундаментальной характеристике русского бытия. Речь пойдет о самой онтологической *структуре* русского *существования*.

1. Замысел: экзистенциальная аналитика русского здесь-бытия. В своей фундаментальной онтологии М.Хайдеггер выявляет не разумность, а конечность в качестве онтологического априори бытия сущего по имени Dasein. Существование Dasein заключается в отношении к своему бытию, и в круге изначальной конечности кажет себя само бытие как феномен. Иначе говоря, само бытие понимается из присутствия этого конечного сущего. Это отношение между Dasein и Sein сохраняется и у «позднего» Хайдеггера, хотя их отношение переворачивается: теперь не бытие понимается из здесь-бытия, а бытие сущего Dasein понимается из Sein, являясь его «местом». Однако, как бы то ни было, именно конечность является фундаментальной характеристикой присутствия сущего Dasein, но вовсе не его разумность/глупость. Более того, именно на конечности присутствия основывается у Хайдеггера всякая «Ich-problematik». О какой же объективной разумности или глупости бытия может идти речь?

Дело заключается в том, *как* понимается само бытие из присутствия конечного сущего, как оно уже изначально «предвзято», «предусмотрено» и «предрешено» [9,150]. Как же изначально «предвзято» бытие Dasein у Хайдеггера? Всякое бытие выражает себя во всяком сущем. Но лишь в сущем Dasein оно выражает себя напрямую; именно соотношение Sein с da делает конечность основополагающей присутствиеразмерной чертой. С каким da имеет дело немецкий философ? Во-первых, с da, взятым как *наличное «здесь»*, смысловым горизонтом которого является именно конечность, а границей - Ничто. Во-вторых, с da, изначально понятым как *тождество бытия и мышления* [7, 604-608]. Опыт мышления сущего и есть первая форма присутствия для западного человека. Хайдеггер старательно избегает каких-либо антропологических характеристик при описании Dasein, но факт остается фактом: само истолкование его осуществляется как ноэма «западного» субъекта [12, 308-319]. Хайдеггер дает онтологию *западного* бытия, бытия *западного человека*.

Но вся проблема в том, что феноменологически нам не даны Sein и da отдельно друг от друга; они изначально слиты. Нельзя отождествлять sein, каким оно себя открывает в горизонте «здесь» - бытия, в da как круге наличного конечного, с Sein как таковым. Строго говоря, здесь нельзя настаивать ни на их тождестве, ни на их различии. Единственно, что можно со всей очевидностью различать – это само «da». Бытие проявляет себя различно, в зависимости от того, с каким da (местом) оно имеет дело. А потому их различие выступает не как данность, а как *заданность*, т.е. как вышеуказанные предвзятие, предвидение и предрешимость. Во-первых, da может раскрываться при этом как непосредственное «тут» - присутствие, но может быть понято (открыто) и как «здесь и там» (в немецком языке «da» неопределенно и означает не только hier, но и dort). Структура da, в которую обрушено Sein, в таком случае будет отличной от хайдеггеровского описания [8, 278-279]. Во-вторых, da может рассматриваться (хотя бы гипотетически) как чистое присутствие вне его понимания (мышления), точнее – понимая присутствие не как данность, а как чистое пребывание. В этом случае, хотя присутствие и будет первоочевидностью мышления, рассматриваться будет только как наличное бытие [8, 280].

Отсюда важнейший вывод: *сущее по имени Dasein может экзистировать к своему бытию различным образом, а, следовательно, и само бытие как феномен будет в этом случае открываться иным образом, в ином смысловом горизонте. Это означает, что, если возможно понимание здесь-бытия иным образом, то и само бытие как феномен будет раскрываться по-другому.*

несовершенному сущему бытия, и через него – выражение полноты бытия Сущего вообще. В античной философии, не-бытие как отсутствие опять же возможно только на основе бытия - как его выражение. Бытие и мысль о бытии есть одно и то же. Следовательно, не-бытие *имеется* (es gibt), когда мышления нет. Можно сказать так: не-бытие и не-мышление есть одно и то же, при этом неважно - это не-мышление о том, что есть, или о том, чего нет. Когда я не мыслю, ничего нет: (*есть*) чистое отсутствие. Это чистое отсутствие есть возможность быть и возможность не быть, а потому оно неопределенное, и понимается как *глупость*. Здесь глупость двойится: с одной стороны, она есть возможность, начало и основание мышления, с другой стороны, она не является основанием действительности мышления (к бытию): мышление есть начало самого себя. Поэтому во всей рационалистической западной традиции от античности до Нового времени глупость связывалась с отсутствием ума как характеристикой *наличного бытия*.

Нам представляется, что именно таковым и является *русское* бытие. Оно есть *иное бытие* в отличие от бытия, открываемого в структуре западного Dasein'a, потому что само русское да понимается *по-другому*. Оно не конечное здесь-бытие, а неопределенное, безграничное и безмерное присутствие; в этом да есть не только «здесь», но и «там», причем так, что они неразличимы [5, 204]. Поэтому, строго говоря, оно немыслимо. А потому, для русского быть – значит быть вне мышления. Русский Dasein есть чистое присутствие вне всякого мышления; это пребывание вне мышления и без мышления [5, 335]. В таком случае необходима специальная *экзистенциальная аналитика русского здесь-бытия*, которая как раз раскроет особенности русского бытия в его отличии от западного онтологического аналога.

В рамках такой аналитики и разворачивается вся интересующая нас коллизия. Поскольку в самих истоках западного мышления лежит скрытое различие между разумным и глупым бытием (разумное бытие - космично, гармонично и упорядочено мышлением, глупое бытие – хаотично, безмерно, беспорядочно, потому что оно - немыслимо; оно есть сама платоновская *κῆρα*), постольку иное – русское бытие - оказывается изначально иным, *неразумным, глупым* бытием. Именно в этом случае речь идет об *онтологической* глупости, о глупости как *объективной* характеристике самого существования.

Дело, однако, не в том, что русское бытие «измеряется» при этом (и европейцами, и нами самими – так «читают» западных философов русские) по мерке западного Dasein'a. Русское бытие *объективно* глупое не в себе, а только *по сравнению* с западным бытием. Невнятность, неразумность, неясность русского бытия делают его глупым по сравнению с бытием западного человека. Оно – *относительно* глупое бытие; само по себе оно ни глупо, и ни умно, а просто *есть*. Дело, однако, в том, что русское бытие (и русская жизнь) *не вполне другое* бытие. Ведь, *не может же быть другого бытия, другого разума и другой глупости, поскольку бытие – одно и едино?*

Русское бытие как бы неправильное, искаженное, «недоделанное» или «недоразвитое» западное бытие. Речь не идет об аутентичности, подлинности или неподлинности бытия; русское бытие вполне подлинное, но в своей подлинности какое-то нелепое, неказистое, какая-то ошибка существования. Проблема именно в том, что русское бытие не вполне другое – как бытие японца или африканца, с этим западный человек вполне готов примириться; но русский человек – европеец, однако какой-то неправильный, неподлинный и ненастоящий. Он – свой в обличье другого; этой двойник европейца, он европеец, но не вполне. Русское бытие как бы не вполне бытие, какое-то не состоявшееся бытие. Оно как бы больное, *патологическое* бытие. Русская жизнь – это какой-то «вывих» разумной и правильной европейской жизни, русское бытие – какое-то извращение западного бытия, русская история – вообще есть какое-то повторяющееся хождение по кругу («хождение по мукам», словно «морок» водит) вместо прямой линии развития любого самого маленького европейского народа и государства. Как будто бы у русских «другой» ум². Словом, русское бытие – это *глупость самого существования*.

Наш замысел и заключается в том, чтобы, используя аппарат и способ экзистенциальной аналитики, выявить фундаментальное отличие русского здесь-бытия для того, чтобы выявить его изначальную *глупость/разумность*. По необходимости такая задача будет носить эскизный характер, но она вполне соответствует судьбе самого русского бытия, поскольку *надо идти туда, неизвестно куда, и найти то, незнамо что*.

2. Абрис онтологии русского бытия. Итак, речь идет о фундаментальном отличии в онтологической структуре здесь-бытия, которое онтически переживается как «глупость», «неразумное», «неправильное», «искаженное» состояние. Как раскрывается русское здесь-бытие?

а). Русское здесь-бытие (Dasein). Как уже говорилось, бытие выражает себя через любое сущее, и только в Dasein оно непосредственно конституирует себя через особое да («вот»). Каким является это русское «вот»? Оно открывается непосредственно в опыте восприятия и языке не только «здесь» (конечное да), но и «там». «Вот» - это где? Не только «здесь», под рукой (Zuhandenheit), в непосредственной наличности, но и «там», где оно также наличествует-присутствует (Vorhandenheit).

² А точнее – вообще нет ума. Русские живут так, как будто бы не имеют своего ума, или он вне их самих. Все архитектурные русские герои – Иван-дурак, Емеля, Иван-пастух и т.д. - обладают этим фундаментальным отличием: их ум у Другого. Это значит, что их бытие изначально не умно, не тождественно с разумом. Где их ум? – В клубке, у щуки, у Конька-горбунка; эти другие являются их «органом» мышления. Им доверяет, на них полагается культурный герой. Само же бытие русского героя как бы вне этого, оно просто бытие, бытие само по себе, чистое бытие как таковое... Ведь, *быть* - это и значит *просто быть, присутствовать*, а вовсе не мыслить бытие, вовсе не отождествлять свое мышление с бытием, вовсе не делать из своей жизни мыслительную задачу, как это делает западный человек.

Оно близко, всегда здесь, присутствуя в *быте*, в банальных вещах повседневного существования; но и «там» такой же быт и пребывание *обыденности*. Поэтому русское бытие имманентно в своей беспредельности, ибо для бытия нет границы, а, следовательно, «там» - оно также «здесь». Оно не находится на расстоянии, не оттянуто и не отложено, оно погружено в русских как их *самое самое*. Как это понимать? Русское бытие есть нечто абсолютно интимное, вплоть до его забвения. А потому русский Dasein не может вступить в отношения с бытием, ибо оно не отдельно от него; никакого отношения (Bezug) между da и Sein быть не может; оно (Sein) настолько плотно (густо) как само «тело» присутствия, которое везде³.

Для европейца Dasein – «между», для русского внутри: мы обнаруживаем себя уже - и всегда - внутри, не выделено из бытия. Поэтому русский Dasein не обнаруживает себя как бытие в мире, окруженный мирским горизонтом, а погруженным в Мир, где Мир есть само наше безграничное пребывание. Поэтому для русского нет самого феномена бытия в Мире (In-der-Welt-sein), ибо сам Мир не есть нечто противоположное (Gegenstand), некий внешний горизонт, требующий проясненного к себе отношения. Мы в Мире, а значит уже в отношении; а точнее само наше пребывание и есть отношение: мы несем Мир с собой. Мир русских не есть Welt или κόσμος европейца; русские не вы-ходят в Мир из *себя*, сколько в-ходят в него; в-ходят – в смысле: имеют его в себе, несут его в себе (в своей душе), и - в смысле: вступают, погружаются в него. Мир для русского человека выступает не как нечто чуждое, но как на себе несомый покой пребывания.

Именно поэтому русское бытие беспредельно и безгранично: «там» есть то же самое, что и «здесь»; мы всегда при бытии, а не при внутримирных сущих. Но это означает, что у русского бытия нет границы⁴, а, следовательно, нет отношения с Ничто, с которым западный Dasein в своем Sein безусловно связан. В самом деле, если в русском da имеется не только «здесь», но и «там», причем так, что они неразличимы, то значит, в нем нет и различия между бытием и не-бытием. Это порождает особое отношение русских к смерти в отличие от хайдеггеровского zum-Tod-Sein: смерть не абсолютное ничто, а естественная граница жизни, которую просто нужно принять. Бытие для русских не начинается с рождением индивида, и не кончается с ним. Бытие пребывает всегда к тому, что уже есть; «пребывает» значит «появляется» - откуда? – из яви самого бытия, пребывает из бывания. И «убывает» от бывания; убывает – куда? – в явь, только неявную теперь. Русское здесь-бытие не кончено и бессмертно.

«Там» - это не-«здесь», и, если «здесь» пребывает бытие, то «там» его нет, т.е. «там» - не-бытие. И это отношение может быть перевернуто: если «там» - бытие, то «здесь» его нет. Но если «там» такое же бытие, как и «здесь», то нет различия между бытием и не-бытием, точнее бытие и ничто – едины. Как это может быть? Только так, что бытие и есть, и не есть одновременно, оно есть *становление*. А потому оно избегает всякого мысленного гипостазирования, оно требует своего переживания или проживания как немислимое: быть значит – просто быть, просто длить свое присутствие... без всякого отношения к нему. Поэтому русское бытие выражается «странной» логической формулой – **«есть и не есть зараз», н-есть** [4, 115-164].

б). Пребывание и авось-бытие. Поэтому русское бытие есть и переживается как предельно близкое вплоть до *забвения* его. Отсюда не просто беспасфосное, в отличие от западной мысли, отношение к бытию, точнее - чувственное и вполне нивилирующее всякую мысль - не-отношение к нему. Русские не просто отказываются мыслить бытие; они его не мыслят, а *практикуют* путем простого пребывания в нем. Где бытие? – Да здесь, на печи, в пирогах, в белизне снега, в белой березе за моим окном, в пустоте квартиры... Также как и в буйстве океана, в горах Кавказа, в африканских саваннах или на острове Буяне...

Хайдеггер указывает, что конституционной характеристикой западного Dasein'a является *бытие с- и в-* (Mit-sein и Sein-in), что предполагается отношением, т.е. изначальной разделенностью и различием: мы обнаруживаем *себя* в отличие от всего остального; отношение к миру есть возвратное отношение к себе. Различие заключается уже в самой структуре Da-sein, определяющим

³ Поэтому, видимо, не зрительные или аудиальные, а кинестетические образы описывают русское присутствие. Кинестетика пребывания выражается в языке *пребывания, убывания, отбывания, переживания, избывания, добывания, обывания, забывания, сбывания* и т.д. Сама стихия русского языка указывает не на отношение из-вне, а, скорее, на переход из одного состояния в другое состояние того же самого. – См.: [5, 281-283].

⁴ Отсюда удивительные отношения русских с пространством и перемещением в пространстве. Всякие географические путешествия вроде «Путешествия за три моря» Афанасия Никитина рассматриваются как любопытная затея, не более. А вот поход в Сибирь или на край ледового моря отнюдь и не «поход», а, погружение в бытие.

«локализацию» и характер пребывания – экзистирование к своему бытию – сущего по имени Dasein. У Хайдеггера экзистирование Dasein связано с его одиночеством: среди других оно выворачивает себя наизнанку, чтобы обнаружить это совместное бытие. Ничего этого не обнаруживается в структуре русского Dasein: русское тут-бытие изначально открывается как «не мое», а такое же, как у других. Оно одно на всех: оно не просто и «здесь», и «там», оно «везде». Русское бытие изначально с другими, а потому понимается не как соединение единиц (как у немецкого mit), но как воссоединение части с целым. Аналогично, «быть-с» для русского означает не просто «быть между», «быть среди», но быть «среди своих», «быть у себя». Первоначально конститутивным для русского Sein в его здесь-бытии является «народ», а не «личность». Русский человек экзистирует не сам по себе, как автономная единица, а через народ, а потому экзистенциальная сингулярность западного Dasein к нему неприменима. Русский – не личность, а здесь-бытие с народом, совместное – одно на всех – бытие. Отделение от народа переживается русским как отделение от бытия⁵.

Отсюда и само русское *решение быть* принципиально отличается от хайдеггеровского Entscheidung. Последнее является «наброском» на бытие в стремлении осуществиться, в стремлении пребыть. Такое экзистирование, как известно, содержит в себе, во-первых, различие между «здесь» и «там». Во-вторых, неполноту пребывания «здесь» как основание экзистенции. Наконец, в-третьих, понимание пребывания как собственной возможности как возможности быть. Поэтому понимание бытия-в-возможности есть набросок бытия (Entwurf). В отличие от этого русское бытие раскрывается как не требующего специального мужества или отваги быть: мы уже в бытии, а, следовательно, все, что необходимо для бытия, уже имеется. Возможность есть при-бывание, т.е. его наполнение, а потому оно не требует наших усилий и не зависит от нас. Место решимости в русском здесь-бытии «занимает» ожидание (надежда), а место возможности – упование на «авось»

Это особая надежда; это такая не верящая в себя надежда и, конечно, отнюдь не расчетливо-рискующее определение вероятности сбывания возможного будущего. Это ожидание того, что возможно, но без активного приложения усилий к этому сбыванию. Для русского имеет место не возможность, а «авось». «Авось» – это слабая надежда, основанная на беспредельном доверии к бытию. Это не гадание, не пожелание, не уверенность, не безразличие. Это выражение согласия (принятие) со всем вообще, со всем, что случится или может случиться. «А» – отрицание, а «авось» – конструкция «ово», т.е. вокруг – «вот». Другими словами, русское «авось» – и есть указание на «вот» – бытие. Точнее, русское Dasein, рассмотренное через экзистенциал решимости (русской решимости) открывает *возможность* как исполнение доверия к бытию. Мы существуем на авось... Такое выражение глобального согласия со всем, что может с нами случиться при малой надежде на добрый конец. При этом «авось» никогда не подводит нас; подводим себя мы сами. Поэтому и надежда на «авось», будучи самой слабой, есть самая надежная из надежд.

в). Русское сбывание. Событие есть сердцевина хайдеггеровского учения о бытии. Dasein eignet: здесь-бытие случается. Игра слов ereignen (происходить, случаться) и er-eignen (делать собственным) указывает на событие как мгновение аутентичности, собственности; в событии то, что случается, есть собственным образом. Можно сказать словами А.Ф.Лосева, в событии дано *самое само*. В событии, решившись быть и избрав такую возможность, Dasein становится собственным Sein. Однако нужно иметь при этом в виду, что сбывается не просто бытие, а именно здесь-бытие; Ereignis есть выявление сингулярности и аутентичности (eigene) самого Dasein. Поэтому в событии осуществляется то, что сочетается с бытием – здесь-бытие. Сбывается только то, что (уже) пребывает в бытии, что в нем наличествует [14, 197-208].

Поэтому (русское) событие здесь-бытия принципиально отличается от Ereignis'a как простого происшествия, простого случая, от случайного сбывания. Произвольность события – оно может случиться, а может и не – связывается с волей. Но в так понятом событии нет и намек на решимость, волю или желание. Событие не может не сбыться, потому что оно уже принадлежит бытию. Если оно

⁵ Здесь необходимо отличать русское «народ» от немецкого Volk. Последнее есть указание на некую изначальную общность, которая есть единство автономных личностей, скрепленных общим Духом и Судьбой, т.е. единым мировоззрением и общей историей. Такое понимание «народного духа» идет от Гегеля. Это чувствуется даже в рафинированном исследовании Э.Юнгера. – См.: [11]. Нацисты добавили сюда еще «Почву» и «Кровь», пространство пребывания и родство. Но это принципиально отличается от русского «народа», который есть не общее мировоззрение и история, земля и родство, а *совместное бытие* – пребывание в испытаниях. Русский всякий, кто разделяет русскую судьбу, т.е. русское бытие. Такое понимание «народности» ближе к античному пониманию трагедии как игры бытия. Нацисты представляли себя наследниками греков, но при этом не сознавали, что в «народной судьбе» присутствует еще что-то, кроме «Крови» и «Почвы». Но Хайдеггер даже не понял, что сама история опровергла его представление о Небе и Земле, о немецком Духе и русской Душе. – См.: [13, 108].

пребывает, то, как было показано выше, пребывает изнутри бытия, из его лона. В русском событии нет и малейшего намека на волю (Wille). Русское событие с произвольным Ereignis'ом роднит только то, что в них нечто дается, вы-ступает в явь бытия. В произволе обычного события выдается волюнтаристский выверт собственного, т.е. чистой субъективности. В событии выдается само сбывающееся бытие. В произволе обычного события мы решаемся посреди бытия учредить, водрузить, соорудить то, чего еще не было; в сбывании события осуществляется само бытие, для которого здесь-бытие является только местом раскрытия. Произвольное событие сопряжено с Ничто и временем: во времени осуществляется того, чего нет. В событии бытия само событие разворачивается вечно, в нем бытие постоянно сбывается. Событие непрерывно, но подчеркивает – в отличие от «пребывания» – именно при-бывание или у-бывание бытия, т.е. его покойное движение, ощущение полноты бытия. Поэтому русское здесь-бытие сбывается, т.е. пребывает в своем бывании, через при-бывание и у-бывание.

В любом случае отличие русского события и западного Ereignis'a заключается в различном отношении к Sein. В западном Ereignis'e присутствует недоверие к нему, ощущение его нехватки и желание осуществить то, чего нет. На этом зиждется (открывается) сама возможность как экстаз расположенности Dasein, решимость как модус здесь-бытия, и сама Забота как целостный экзистенциал. В русском здесь-бытии, напротив, нет никакого отношения к своему бытию, ибо мы уже при нем, мы доверяем ему и ожидаем его («авось-бытие»). А потому наше бытие не есть Забота, а есть беззаботное бытие.

г). Бытие как беззаботность. Начала русской глупости. Феномен целостности бытия открывается в экзистенциале Заботы. Наше бытие и есть Забота, а наше здесь-бытие есть озабоченность своим бытием. В Заботе открывается то, как существует Dasein в Мире, конституируя этим существованием и сам Мир, и самого себя. Забота, поэтому, есть не просто свойство Dasein'a, акциденция или предикат; это есть его фундаментальное априори, это его *суть*. Европейский человек в своем тут-бытии обращен к собственному концу, к дефициту бытия. Экзистенциалы Ужаса (die Angst), Смерти (der Tod) и Совести (das Gewissen) конституируют целостность Заботы в изначальном горизонте конечности существования. Именно озабоченность своим бытием является онтологическим истоком труда как фундаментальной характеристики западного тут-бытия.

Ассиметрично к такой озабоченности собственным бытием можно феноменологически констатировать удивительную беззаботность русского Dasein'a. Поскольку русское здесь-бытие не находится на границе между бытием и не-бытием (ничто), постольку мы не обнаруживаем в его основоустройстве экзистенциалов ужаса или смерти. Его бытие не заботит русского человека: оно изначально имеется, а потому не представляет угрозы, нехватки, недостаточности. Полнота существования достаточное основание для беззаботности. Русский не озабочен, скорее, что-то заботиться через него, что-то высказывается, вызывается через него, а не к нему. Русское тут-бытие не перед Миром, а внутри него; бытие простирается отсюда – из наличной ситуации – во все стороны – «шарообразно» как парменидовское бытие.

Это означает, что ничто, бездна, небытие есть внутри самого этого бытия. «Шарообразность» и выражает то, что вертикаль как бы обрушена в горизонтальную поверхность, в точку, и, наоборот, горизонтальная плоскость стягивается в точку в поперечной плоскости вертикали. Ничто со-держится в бытии, а бытие ничем не держится (оно просто есть); бытие потому и бытие, что оно безосновно, ничто и есть его основание [10, 74-76]. Феноменологически это переживается не как ужас перед бездной Ничто, а так, что этот ужас ничтожится в русском человеке до такой степени, что уже не пугает. Поэтому, во-первых, русский человек до глупости бесстрашен, потому что ничего невозможно сделать против интегрированного в само бытие ничто. Поэтому, во-вторых, русский человек бессмертен, ибо это бессмертие основано на ощущении тотальности существования, в котором ничтожение есть момент бытия, а не его граница. Бессмертие русского человека есть ее принятие во-внутрь, включение ее в себя, в сам русское существование. «Другое» (смерть) здесь мыслиться как *то же самое*, как и *это*.

Русскому человеку совесть открывается не как Зов из-вне, из-за границы бытия. В здесь-бытии вызывает бытие к самому себе. Этот посыл Хайдеггера русскому человеку хорошо известен: в феномене совести нам открывается само наше бытие как таковое. А потому: «человек живет не для радости, а для совести». Быть совестным для русского вовсе не слышать какую-то особую Весть; это вполне заурядное и обыденное дело. «Совеститься» означает просто: выпускать из-себя бытие и в-пускать его

в себя. Поэтому совесть не есть «предмет» Заботы; озаботиться совестью нельзя, ибо это просто само наше бытие⁶.

Иначе говоря, *забота не есть экзистенциал русского бытия. Русское бытие беззаботно*. Но именно это является основой русской *глупости*. Экзистирование русского человека является пребыванием, вниманием бытию, но не пред-стоянием перед ним. Озабоченность своим бытием рождает в западном человеке невроз и силу, агрессию, и воление, панику и стремление, одним словом - деятельность. Беззаботность русского человека рождает безволие и бесстрашие, приятие смерти и приятие жизни, бессовестность и совестливость. Глупость русского человека в сравнении с западным человеком обнаруживается в удивительном безразличии к собственной личности, в бесконечном бесстрашии до безумия, в странном безразличии к своей смерти, в удивительной неразвитости нравственного сознания и, одновременно, сострадательном, милосердном, деятельном поведении. Наконец, в странном для западного человека безразличии русского к вопросу о самом смысле жизни. Русский не задается этими вопросами, он просто живет; просто «практикует» бытие в самой повседневной жизни. Для русского смысл жизни не вне ее, а в самой жизни. Смысл бытия – в самом бытии. В чем смысл жизни для русского человека? - В том, чтобы ее прожить до конца, чтобы изжить ее полностью, чтобы испытать и испытать все, что выпадет на твою долю. И ничего другого. Это очень банально, а потому – *глупо*.

Таким образом, *русское бытие оказывается по ту сторону западной оппозиции бытия и небытия, по ту сторону мышления и безумия, по ту сторону страха и бесстрашия, по ту сторону смерти и бессмертия, по ту сторону добра и зла*.

3. «Патология» русского бытия. С точки зрения западного Dasein'a русское бытие является «патологией». В чем это выражается? Каковы основные структуры, фундирующие русское бытие как патологическое?

а). Befindlichkeit. Русский смысл «бытия-в-Мире» как «пребывания» делает бессмысленным хайдеггеровский экзистенциал «находимости». Русские вовсе не «находятся» в Мире, поскольку они себя в нем никогда и не теряли. Возвратность глагола (sich befinden), означающая направленность или обращенность на себя, для русских проблематична: они существуют не *от себя* и не *из себя*. Русские всегда находятся там, где пребывают, всегда у себя дома, всегда при своем Мире, в собственном покое. Befindlichkeit, скорее, надо понимать не как «находимость», а как «расположенность». Русские располагаются в бытии как дома, а потому просто об этом не думают.

Но именно эта удивительная – вплоть до забвения – «расположенность» в бытии рождает полную безалаберность в повседневной жизни, патологическую халтурность в отношении труда, удивительную непрактичность в каждодневном существовании. Речь не идет о безответственном отношении к собственной жизни и деятельности; речь идет о том, что вполне разумное и практичное отношение к конечным делам сопровождается беззаботным отношением к жизни в целом. Русские могут быть не менее практичными в повседневности, чем французы; не менее экономичными в своем ремесле, чем немцы; не менее рассудительными, чем англичане. И вместе с тем, они могут быть и абсолютно непрактичными, неэкономными и неразумными в отношении к повседневности. В чем дело? Дело именно в различии повседневных дел и жизни в целом, наличного здесь-бытия и бытия как такового. Поскольку для русских такого различия не существует, их отношение к своему бытию, поэтому, оказывается *амбивалентным*: удивительная разумность в конечном бытии и беззаботность в отношении Бытия с большой буквы может одновременно сочетаться с безразличием к наличному здесь-бытию и озабоченностью Бытием вообще. Вся суть в том, что это, как можно было бы подумать, не два разных отношения Dasein к своему бытию; это одно отношение, а точнее – *не-отношение*. В самом деле, как было показано выше, русское здесь-бытие не имеет границы; оно не экзистирует к своему бытию, оно *не относится* к нему. Оно просто пребывает.

Русское здесь-бытие, поэтому, не может характеризоваться настроенностью на свое бытие. Оно не настроено ни на что, оно просто *имеется* (*es gibt*). Оно не настроено, а потому не может расстраиваться. Такая расположенность русских в бытии делает их в глазах западного человека «безвольными». Хайдеггеровское тут-бытие всегда настроено (*gestimmt*); набросок, проект и воля есть его фундаментальные характеристики. Проект-бросок есть ответ Dasein на заброшенность (*Geworfenheit*) и выражает бесконечное развертывание энергии (деятельности) во-вне, поскольку само это «вне» для такого Dasein *есть*. Это есть выражение «субъективности» западного здесь-бытия.

⁶ Нравственная глупость подразумевает совесть именно как экзистенциал Заботы в смысле западного человека. – См.: [6] Но именно, поэтому, можно говорить о неразвитости нравственного сознания в русском человеке, но нельзя говорить о *безнравственном поведении или жизни*.

Но у русских такого «вне» («Мира») нет. Русские изначально всегда на месте, на их естественном месте. Они всегда «помещены», куда нужно. Русские расположены так, что они находятся в постоянном неподвижном движении. Это естественное место есть здесь-бытие как непосредственное бытие; никакой границы, устремляясь к которой можно было бы расширять свое присутствие, нет. А потому не может быть русского «субъекта» как внутреннего по отношению к такой внешней границе: для этого просто отсутствует экзистенциальная территория. Русское здесь-бытие тождественно с бытием как таковым, оно и есть сама внутренняя граница бытия. Русские все время внутри бытия, а не пред ним. А потому не может быть никакого «наброска» на «внешнее» бытие. Русские все время по сю сторону бытия: всякий бросок якобы «во вне» оказывается просто кувыркком Ваньки-встаньки «внутри» бытия.

А потому пресловутая «слабость» русской воли есть выражение невозможности конституирования «внешнего» мира как противоположного предмета. Как не может быть русского «субъекта», так не может быть и русского «проекта». Воля для русских не напряжение субъективных внутренних сил, направленных к фиксированной цели. А, скорее, выражение живого движения самого бытия, выпускание самого естественного движения [5, 153-163]. «На свете счастья нет, но есть покой и воля...». Поэтому русские «не в состоянии», они и есть само это «состояние», само живое движение. Простое и бесцельное движение, *глупое, как сама жизнь*.

б). Брошенность/найденность. Verfallen. Это означает, что хайдеггеровское различие аутентичности/ неаутентичности, подлинности/неподлинности и падшести в Мир не имеет отношения к русскому бытию. Хайдеггеровское понятие *das Man* должно было выражать потерянность, заброшенность в массовидности совместного существования индивидуального здесь-бытия. Однако Другие – это не те, кто существуют совместно со мной, не весь остаток, помимо меня. Тот, кто присутствует вместе со мной, типологически от меня не отличается [9, 118]. *Dasein*, поэтому, всегда является всеобщим (*Mit*) и в-месте с тем индивидуальным: здесь-бытие есть *индивидуализация всеобщего*.

Однако, вся суть в том, что это при этом *Dasein* выражает, прежде всего, именно это конечное *da*. В нем *индивидуализируется* именно всеобщее, а потому оно имеет лицо и выступает как *личность* [2, 227-230]. В русском здесь-бытии, напротив, выражается не *da*, а именно *Sein*. Поэтому русских, наоборот, здесь-бытие есть выражение не индивидуальности, а *всеобщности* [8, 413-414]. Поэтому русский *Dasein* отнюдь не имеет лица, оно такое же, как и другое; оно не есть выражение личности.

В русском здесь-бытии присутствует всегда идентификация себя со всеобщим, с «народом». Строго говоря, есть не человек, а есть народ, единое целое, которое только частично представлено в здесь-бытии. Поэтому, будучи индивидуумами, русские люди личностями не являются. Поэтому для русских, строго говоря, не имеет онтологического смысла ни одиночество (*Einsamkeit*), ни бытие-с (*Mitsein*) как таковое. У русских сосредоточение на своем индивидуальном бытии переживается как оторванность от бытия как такового, воспринимается как неполнота существования, незавершенность, недостаточность, и даже бесосновность. Способом идентификации становится *русскость*, т.е. выражение в собственном бытии «народа», т.е. совместного бытия, судьбы совместного пребывания. Здесь русскость не есть налично-данное, ибо всякое налично данное - конечно и ограничено. Такая русскость здесь выступает как *все*: тотальность существующего. Т.е. вбирает в себя всю полноту существования, не только то, но и другое (противоположное), в том числе – и западную личность.

Чем более одинок западный человек, тем более он у себя, тем более он личность. Чем более западный человек вместе с другими, тем более он себе не принадлежит, тем более он потерян, тем более он не может быть личностью. Чем более одинок русский человек, тем более он потерян, тем более он для себя не-есть (он не может идентифицировать себя и установить в своем одиночестве – есть ли он?); личность для русского человека помеха. Чем более он с другими, с «народом», тем более он находит себя, тем более он онтологически укоренен. Однако, парадокс тут еще глубже: чем более русский человек есть русский, тем менее он личность и тем более он есть; чем более он просто личность, тем более он не есть, но не есть так, что при этом личность ничтожит свое бытие, стремясь стать русской. Иначе говоря, личность русских как не-русское есть и не есть одновременно [3, 222-225].

Поэтому западное здесь-бытие выступает не как онтологически отличное от русского, а как то же самое, что и оно. Западное мышление выступает не как противоположное русскому, а как то же самое, что и русское. Западная личность не противоположность русской, она та же сама, хотя и другая. Для русского бытия другое бытие есть то же самое. Для западного мышления другое – русское – есть просто другое. Для русского другое – западное – есть тоже русское. Для русского

бытия нет оппозиции; оно есть для западного здесь-бытия. Поэтому такое межумочное существование есть полная глупость с точки зрения западного человека.

в). Entscheidung und Gewissen. Существование конечного сущего есть бытие-к-смерти. Поэтому М.Хайдеггер указывает на то, что смерть, являясь возможностью нашего бытия, придает всякий смысл нашему существованию. В смерти мы обращены к самому нашему бытию. Вместе с тем сама по себе эта возможность не может конституировать целостность нашего существования, а потому она отсылает к совести и решимости быть.

У русских иное отношение к смерти; конечно, смерть есть возможность нашего бытия. Однако в каком смысле? Смерть есть не просто противоположность жизни; она есть то, что по сю сторону бытия – не как потенциальное существование, а как постоянное присутствие. Смерть взята в само бытие как *ничто* этого бытия. Поэтому она, строго говоря, не есть граница и противоположность жизни. Смерть есть *другое* жизни, то же самое, но другое. Другой – противоположностью жизни – смерть является только потому, что Dasein отличает себя от Sein, противопоставляет свое здесь ему и таким образом относится к нему. Сущее Dasein конечно и смертно, потому что противопоставляет себя своему бытию, и тем самым, воспринимает и понимает себя – в отличие от него – как конечное. Становясь лицом к смерти, Dasein конституирует свою конечность. Но если здесь-бытие и есть само бытие, то отношения к нему быть не может, а, следовательно, нет и констатации собственной конечности. Если здесь-бытие есть то же самое, что и другое, то мы не можем встать в отношение к собственной конечности, и, соответственно, лицом к смерти. Русское бытие экзистенцирует в своем бессмертии до такой степени, что не замечает саму смерть. Она не просто есть неизбежное, о чем, поэтому, можно не задумываться; она не «там», а «здесь»; о ней можно забыть, потому что она уже здесь, мерно разлита в не-смерти, она есть другое *этого* бытия.

Поэтому смерть есть русское у-себя-бытие. Русские как бы обживают смерть, понимая и относясь к ней как делу жизни, а не уходя от нее [1]. В смерти для русских излишнего трагизма нет; дело не в самой нашей смертности или ее случайности, а в том, чтобы бытие имело смысл жизни. Т.е. принятие смерти как возможности вынести отпущенное бытие до конца. Это основа известного фатализма русских есть выражение их серьезного отношения к ней⁷; наоборот, всякая игра со смертью, попытки отдаления конца или самоуправство со смертью (самоубийство) выражают для русских не-серьезность такого бытия. Русские, конечно, знают и волевою решимостью, и субъективный выбор, но для них они являются только иным выбора самого бытия, его сбыванием-событием. Решимость принятия смерти для русских (готовность к смерти и ожидание смерти), поэтому, есть выражение не субъективного своеволия, а имманентности нашего бытия, выражения доверия к нему.

4. Заключение. Понимание и кувырок бытия. Все это, конечно, абсолютно глупо и непонятно с западной точки зрения. Русское бытие оказывается *изначально* действительно *глупым*. Однако, все дело в том, что *бытие* русскими *не понимается, а принимается*. Понимание, точнее – «предусмотрение» – только один из модусов отношения сущего Dasein к своему бытию; есть еще «предвзятие» и «предрешение», т.е. принятие и согласие.

Вокруг этого и разворачивается вся коллизия понимания русского бытия, совершенно непонятная западному человеку. Понимание бытия для русского человека важно, но не достаточно для пребывания. Понимание (das Verstehen) вообще не есть экзистенциал русского здесь-бытия, это именно экзистенциал западного бытия. Русские не понимают своего бытия, они просто живут. Поэтому русская жизнь непонятна для западного мышления: как можно просто жить, не понимая себя и своего бытия?

Однако вся проблема в том, что русские понимают свое бытие, и понимают вполне на западный манер. Точнее – они его и понимают, но не принимают такого понимания. Почему? Потому что такого понимания недостаточно. Русское бытие, как было показано, включает в себя абсолютно все, все противоположности, ибо другое есть то же самое, бытие включает в себя не-бытие, а не полагает его как противоположность; другое есть не свое иное, а то же самое. Поэтому русское понимание бытия включает в себя и западное понимание: это тоже русское мышление. Но именно, поэтому, русские и понимают, и не понимают. А еще точнее – русские не понимают бытие, а живут им. Их отношение к бытию не есть его понимание, а есть его проживание.

Именно это-то и оказывается непонятным западному мышлению. Именно поэтому русское глупое бытие на поверку оказывается более глубоким и более умным бытием, а русская глупость выражением более глубокого ума. Потому что русские *одинаково принимают* как свой ум, так и свою глупость. А принять они ее могут, потому тем самым они принимают само бытие.

⁷ Это то, что мучало Л.Толстого: «А мужики, мужики-то – как умирают?»

А еще точнее – русские *смеются* над собственным бытием. Понимание требует серьезного отношения к себе, а непонимание позволяет относиться к бытию со смехом. Поэтому русское здесь-бытие несерьезно. Отсюда пресловутое несовершенство русской жизни, о которой говорилось в начале. Русское бытие есть пародия на бытие, это *не-вполне-бытие*. Это не жизнь, а какая-то *клоунада*; русские не живут серьезно, и не относятся к своей жизни серьезно, а как будто бы играют в жизнь. Они – как дети, живут начерно. Их жизнь до того несерьезна, что напоминает серьезному западному человеку – этому ходячему воплощению разума – шутовской балаган.

Русское бытие есть игра, несерьезное дело, которое, однако, включает в себя всю серьезность. Потому что бытие как таковое – а оно, ведь, одно – русское или нерусское - все время ускользает, становится другим, все время увертывается от понимания, делает кувырок через голову как цирковой паяц. Оно автореферентно, но в этой автореферентности оно все время ускользает от всеобщих понятий, сведения к сущему или феноменологической очевидности. Бросок на бытие как экзистирование *Dasein* оказывается акробатическим кувырком через голову: полагая бытие как свою внешнюю границу, оно само оказывается внутри этой границы. Поэтому для западного мышления бытие есть складка, а для русского мышления это прыжок через голову, т.е. через понимание. Бытие и есть просто *Sprung* [12, 235-242]. Это прыжок от избытка бытия, от избытка жизненной энергии, от восторга существования.

Русское здесь-бытие и есть такой *экстаз* бытия. Поэтому глупое русское бытие на поверку оказывается умным бытием, а русская глупость – умом самого бытия.

Литература:

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
2. Декомб В. Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от собственного лица. М., 2011.
3. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер. Возможность русской философии. М., 2011.
4. Калитин П.В. Уравнение русской идеи (по-святоотечески новая и оригинальная система «мысли-поступка-социума» российских ученых монахов второй половины XVIII - начала XIX веков). М., 2002.
5. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн.4. Мудрость слова. СПб., 2011.
6. Комаров С.В. Казус дурака. Маленькое эссе о глупости (1). // Вестник ПНИПУ. Философия. Социология. История. Психология. 2014. №2.
7. Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности. Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб., Алетейя, 2007.
8. Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. М., 1990.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
10. Щеглов А.П. Древнерусская ноуменальная натурфилософия. М., 1999.
11. Э.Юнгер. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб., 2002.
12. Heidegger M. Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). // Heidegger M. Gesamtausgabe, Bd.65. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann. 2003.
13. Heidegger M. Die Geschichte des Seyns // Heidegger M. Gesamtausgabe, Bd.69. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann. 2012.
14. Heidegger M. Das Ereignis. // Heidegger M. Gesamtausgabe, Bd. 71. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann. 2009.